

Секция «Психологическое состояние общества и власти как фактор устойчивого политического развития»

Политическая идентичность как фактор развития устойчивого развития китайского общества

Научный руководитель – Завершинский Константин Фёдорович

Пичугина Л.И.¹, Дорошко А.С.²

1 - Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, Санкт-Петербург, Россия, *E-mail: latref47@gmail.com*; 2 - Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, Санкт-Петербург, Россия, *E-mail: anastasia1140@gmail.com*

Понимание политической культуры государства является необходимым условием анализа функционирования его политических институтов, стабильность которых зависит от устойчивости и консолидации самого общества и его способности адаптироваться к изменяющимся условиям.

В современном мире одним из самых политически консолидированных является китайское общество, что обусловлено включенностью в политическую культуру мифо-символических конструкторов прошлого.

Соответственно, целью нашей работы является изучение символического пространства современного Китая, тех практик, которые используются властными институтами для формирования единой политической идентичности.

Под идентичностью, мы вслед за Я. Ассманом понимаем результат осознания, то есть рефлексии над прежде не осознанным представлением о себе. Работая в рамках дихотомии «я - мы» исследователь выделяет индивидуальную и личную идентичность с одной стороны и коллективную с другой. Нас будет интересовать коллективная идентичность, под которой понимается представление группы о самой себе, а также представление о группе извне. Сила и слабость такой идентичности зависит от закрепленности ее в сознании членов группы и возможности мотивации их мышления и деятельности [1].

Если говорить о четком структурировании понятия идентичности и рассмотрении его социокультурных оснований, то в данном плане выделяется концепция Ю. Левады [5, С. 276]. Он выделяет три основные «привязки» человека к социальному полю: идентификация отвечает на вопрос «кто мы такие?», ориентация («Куда мы идём?») и адаптация («К чему мы можем приспособиться?»).

Идентификация рассматривается в данном случае сквозь призму признаков, обозначающих определенный тип связи человека с социальной группой, которые могут быть подкреплены символическими, эмоциональными, мифологическими структурами, могут обладать не только актуальным, но также историческим измерением.

Е. Грачиков выделяет национальную и государственную идентичности. В случае с Китаем понятие «государство» и «нация» тождественны и передаются одним и тем же словом «государственные» [2, С.290-306].

Таким образом, можно резюмировать, что методологическими ориентирами данной работы будут выступать именно эти концепции, поскольку они отражают целостное понимание политической идентичности современного китайского общества, базирующегося на отождествлении национальной и государственной идентичности, которой, в свою очередь, присущи коллективность, противопоставление «себя» с «другими».

В основании символических рамок политической идентичности лежит культ предков, конфуцианство и этноцентризм. Культ предков и конфуцианство послужили мощным инструментом для отождествления семьи и государства через сакрализацию правителя и его

семьи, а также культивацию этого через повторение обрядов и ритуалов. За счет их влияния было заложено обоснование императора как отца семьи под названием государство, где в качестве сыновей выступало все население Китая. Основной целью данного мифа сам Конфуций называл сохранение текущей системы власти. Этническая солидарность имеет воплощение в мифе о сильной исполнительной власти, которую олицетворяет «Сын Неба», связанный, кроме всего прочего, и с анималистскими образами (дракон) [4, С. 90-99].

Связь между мифами, символами и идентичностью в конкретных контекстах времени-пространства, в том числе и в китайском, может быть осуществлена посредством введения концепта «памяти». Отличительной чертой памяти является существование «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [3, С.149-163].

Я. Ассман позиционирует память социальную и культурную как комплексную структуру когнитивных компонентов, имеющих специфическую символическую форму. Он трактует любое воспоминание, отсылку сознания к прошлому таким образом, что они представляются моментами символизации и особого вида семиотизации. Исходя из этого, временные координаты памяти предстают в качестве фундаментального параметра систем культурных коммуникаций. При этом исследователь приходит к выводу, что социальная память производит операцию по синтезированию элементов времени и идентичности [1, 109-118]. Кроме того, антрополог, подчеркивая изначальную автономность памяти («метонимию»), наделяет её существенными силами, способными видоизменять культуру и свойственные ей практики [1, 16].

Таким образом, память является ключевой матрицей китайской идентичности, в которой существуют такие постулаты и мифы, как культ предков, конфуцианство и этноцентризм. Именно синтез данного культа и конфуцианских воззрений заложил основу для современного восприятия китайцами государственного устройства и места себя в этой системе. При этом отметим, что несмотря на значительные изменения политических мифов начиная с XX века, связанными с историческими особенностями развития Китая, общие черты ментальности, оказавшие влияние на политическую идентичность, оформившиеся еще во времена появления Культа Предков - коллективизм, антропоцентризм, стихийный натурализм и ритуалистичность мировосприятия - сохранили свою значимость в политической культуре современного китайского общества.

1.

Источники и литература

- 1) 1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер.с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 368 с.
- 2) 2. Грачиков Е. Внешняя политика КНР: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // Международные отношения. 2015. №3. 290-306 с
- 3) 3. Завершинский К. Ф. Символические структуры политической памяти // Символическая политика: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: О. Ю. Малинова —гл.ред. и др. Вып.1: Конструирование представлений опрошлом как властный ресурс. – 2012. 149–163 с.
- 4) 4. Кравцова М.Е. Представление о верховной власти и правителе // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока.

М.: Вост. лит. 2006. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. 2006. 869 с

- 5) 5. Левада Ю.А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000-2005 / Ю.А. Левада: (сост. Т.В. Левада). М: Издатель Карпов Е.В. 2011. 276 с.